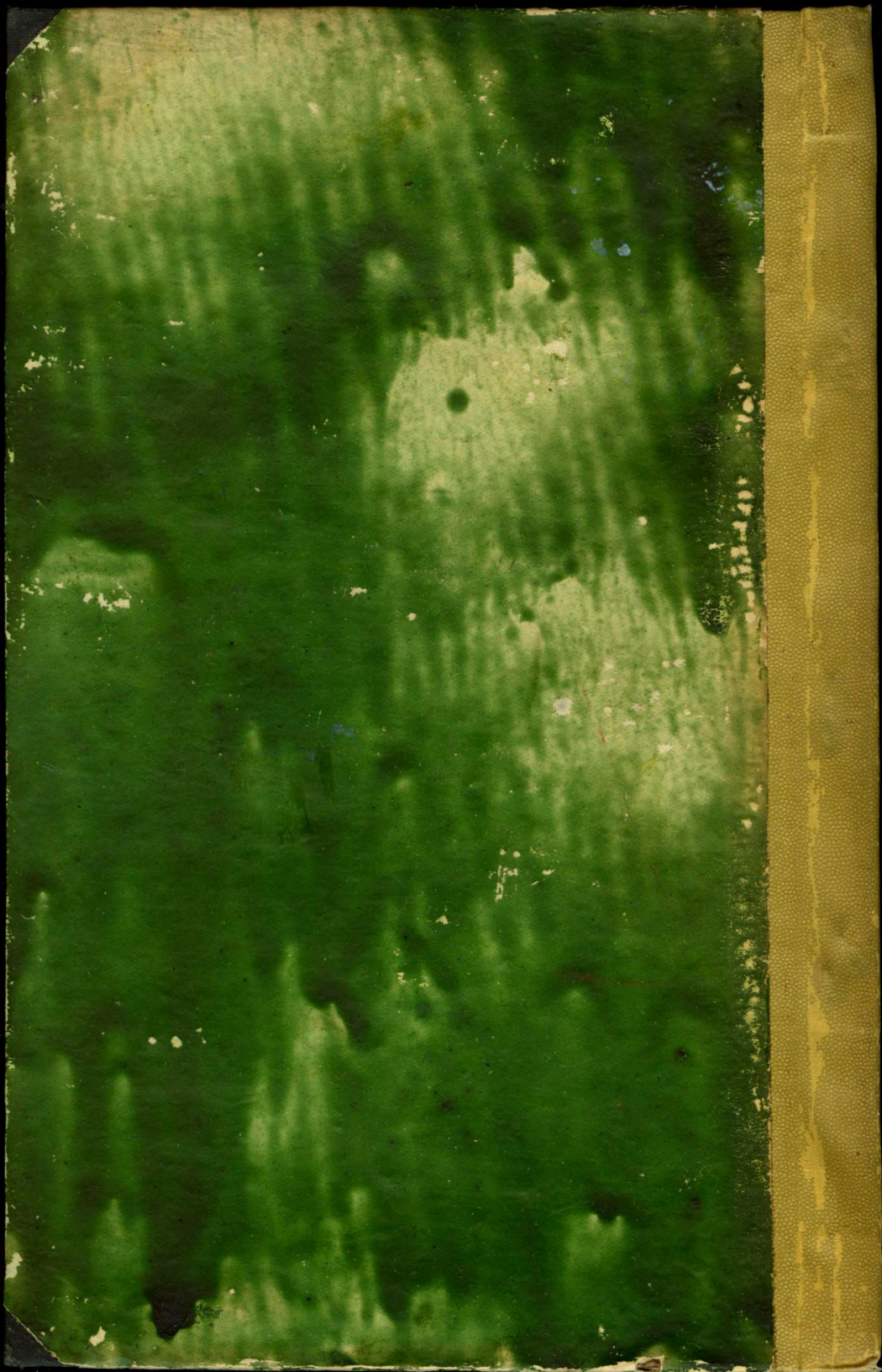

PK-X791

252441

PK-XFY-2

252448

26 $\frac{10}{36}$ О Б Ъ
ИСТИННОМЪ ЗНАЧЕНИИ
ПРАГМАТИЧЕСКОЙ
И С Т О Р И И

И СООТВѢТСТВЕННОМУ ТОМУ СПОСОБУ

ЕЯ ОБРАБОТКИ.

РАЗСУЖДЕНІЕ,

НАПИСАННОЕ КАНДИДАТОМЪ

Александромъ Рославскимъ-Петровскимъ.

ПРОВЕРЕНО
АВГ 1849

Х А Р Ъ К О В Ъ,
ВЪ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФІИ.

1839.

Проверено
ЦНБ 1926

1880

THE NEW YORK PUBLIC LIBRARY

ASTOR LENOX TILDEN FOUNDATION

500 N. 5TH ST. N. Y. C.

THE NEW YORK PUBLIC LIBRARY

ASTOR LENOX TILDEN FOUNDATION

500 N. 5TH ST. N. Y. C.

THE NEW YORK PUBLIC LIBRARY

ASTOR LENOX TILDEN FOUNDATION

500 N. 5TH ST. N. Y. C.

THE NEW YORK PUBLIC LIBRARY

ASTOR LENOX TILDEN FOUNDATION

500 N. 5TH ST. N. Y. C.

THE NEW YORK PUBLIC LIBRARY

ASTOR LENOX TILDEN FOUNDATION

500 N. 5TH ST. N. Y. C.

THE NEW YORK PUBLIC LIBRARY

ASTOR LENOX TILDEN FOUNDATION

1221-4206. 3
Р Ъ Ш Е Н І Е

1974 **В О П Р О С А :** 3719

ВЪ ЧЕМЪ СОСТОИТЪ ИСТИННОЕ ЗНАЧЕНІЕ

ПРАГМАТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ

И КАКОВА ДОЛЖНА БЫТЬ ЕЯ ОБРАБОТКА?

Р А З С У Ж Д Е Н І Е,

написанное Кандидатомъ 88

Александромъ Рославскимъ - Петровскимъ,

для получения степени Магистра

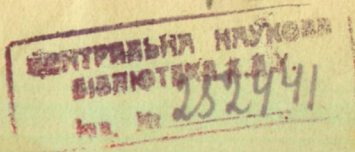
ИСТОРИЧЕСКИХЪ НАУКЪ.

Х А Р Ъ К О В Ъ

ВЪ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФІИ.

1839.

22.1.22

ВЪВЕДЕНІЕ

ВЪВЕДЕНІЕ

ВЪВЕДЕНІЕ

ВЪВЕДЕНІЕ

ВЪВЕДЕНІЕ

ВЪВЕДЕНІЕ

Съ дозволенія Совѣта Университета.

ВЪВЕДЕНІЕ

ВЪВЕДЕНІЕ

ВЪВЕДЕНІЕ

ВЪВЕДЕНІЕ

ВЪВЕДЕНІЕ

ВЪВЕДЕНІЕ

ВЪВЕДЕНІЕ

ВЪВЕДЕНІЕ

ЕГО СІЯТЕЛЬНОМУ,

Г Р А Ф У

ЮРІЮ АЛЕКСАНДРОВИЧУ

ГОЛОВКИНУ,

*Оберъ-Каммергеру, Государственнаго Совѣта
Члену, Дѣйствительному Тайному Совѣтнику,
ИМПЕРАТОРСКАГО Харьковскаго Университета
и его Учебнаго Округа Попечителю и Кавалеру.*

Усерднѣйшее приношеніе

Сочинителя.

ВНО ОИТЕЛРБА

Л А К Х

КОРНО И АНГЕЛДЕОВИХ

ПОДЗЕМНА

и это ввиду Ордена Нон-мине-но-и-Кавалер-
ИМПЕРАТОРСКОГО Высочайшего повеления
Августейшего Императора Всероссийского
Одесс-Императорского Высочайшего повеления

Копия в архиве

С. Петербург

ПОЛОЖЕНІЯ

1. Полное познаніе истины невозможно ни въ какой наукѣ, пѣтъ болѣе въ Истории, которая, сверхъ недоспашковъ общихъ всѣмъ опрасямъ чловѣческаго вѣдѣнія, имѣетъ недоспашки особенныя, относящіяся частію къ содержанію ея, а частію къ формѣ.

2. Различныя направленія Истории болѣе или менѣе оппечапльвають на себѣ духъ своего времени и показывають зависимость этой науки опъ жизни.

3. Всѣ извѣстные способы обработки Истории, несмотря на множество оппѣнковъ, могутъ быть приведены къ двумъ главнымъ методамъ: повѣствовательному, когда писатель, при изложеніи событий, придерживается строго хронологическаго порядка, и прагматическому, когда онъ обращаетъ вниманіе

на внутреннюю связь событий и на основании ее систематизирует массу фактов, подлежащих его исследованию.

4. Верный взгляд на целое и искусство живо изображать частности суть необходимые условия прагматического изложения Истории.

5. Упреки, делаемые некоторыми писателями Прагматической Истории, не основательны: они падают на худое употребление ее, а не на самую идею.

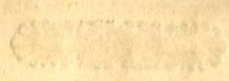
6. Причины, по которым умствования в Истории необходимы, суть следующие: во 1-х, свойство исторических фактов; во 2-х, их неполнота; во 3-х, зависимость частных явлений человеческой жизни от духа времени: не зная понятий свойственных каждому веку, Историк не может разгадать характеров лиц, живших и действовавших в эпоху века.

7. Вопросъ, до какой степени должна проспираться пылливость ума, при обсуживании фактовъ, требуетъ аналитического распределения сущности элементовъ Истории.

8. Историкъ, который хочетъ быть вѣрнымъ исполковашелемъ минувшаго, долженъ знать: во 1-хъ, человѣческую природу; во 2-хъ, народныя ея опличія; въ 3-хъ, сцену дѣйствія изображаемыхъ имъ событій.

В. Меньшиков, который в 1804 году
был назначен в Петербург, а в 1805 году
переведен в Москву, где и умер в 1806 году.
Он был известен как писатель и поэт.

ОБЪ ИСТИННОМЪ ЗНАЧЕНІИ

ПРАГМАТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ

и соответственномъ тому способъ ея обработки.

Истина состоитъ въ согласіи нашихъ представлений съ дѣйствительнымъ бытіемъ вещей. Но такое опредѣленіе истины существуетъ только въ идеѣ. Обуреваемый страстями, ограниченный вліяніемъ матеріи, человекъ не можетъ проникнуть во внутренность міра; здѣсь на землѣ ему не дано вполне объять истину, и между тѣмъ, однако, неодолимое стремленіе духа непрерывно влечетъ его къ этому прекрасному идеалу, къ этой завѣтной цѣли всѣхъ его надеждъ, желаній, помысловъ. Онъ всячески старается пособить своему положенію, придумываетъ всѣ возможные способы, соображаетъ ихъ, сравниваетъ между собою; наконецъ тво-

рѣшѣ системы, которыя хотя и не могутъ совершенно устранить всѣхъ препятствій, хотя и не въ состояніи доставить ему полнаго познанія истины, по крайней мѣрѣ, сколько нибудь, приближаютъ къ ней, помогаютъ уловить хотя нѣкоторыя черты ея. Отсюда явствуетъ: во 1^{хъ}, что нѣтъ и неможетъ быть рѣчи о безпогрѣшительности человѣческихъ системъ, что всѣ онѣ болѣе или менѣе односторонни; въ 2^{хъ}, что каждая отрасль человѣческаго знанія допускаетъ не одну только, а нѣсколько различныхъ системъ, которыя могутъ существовать одна подлѣ другой, не уничтожая другъ друга своего противоположенностью. Тѣмъ не менѣе всякая система должна удовлетворять требованіямъ логической взыскательности, основываться на вѣрныхъ и здравыхъ началахъ ума, не допускать въ сферу свою ничего произвольнаго, мечтательнаго. Полнота, органическая правильность и ясность суть необходимыя условія развитія ученаго предмета. А посему чѣмъ прямѣе какая нибудь система ведетъ насъ къ этой цѣли, чѣмъ болѣе облегчаетъ уразумѣніе предмета, тѣмъ она лучше, естественнѣе, и слѣдовательно сообразнѣе съ достоинствомъ науки.

Но если во всякой отрасли человѣческихъ познаній система необходима и важна, то тѣмъ болѣе въ наукахъ опытныхъ, которыя какъ на пр. Исто-

рія, складаються изъ массы фактовъ, часто разнородныхъ, и по одной уже обширности своего содержанія, затрудняють познаніе основної идеи, откуда бы легко и удобно можно было обозрѣть всѣ ихъ части. Никакія въ свѣтъ достоинства: ни обширная ученость, ни живое изображеніе, ни самый изящнѣйшій разсказъ не въ состояніи замѣнить ея отсутствія. Безъ системы, историческое твореніе будетъ представлять только рядъ случайностей, наполнить душу нашу какими-то отрывочными и безсвязными образами, не оставить въ памяти ничего полнаго, опредѣлительнаго. Но пусть геній Историка соорудить изъ этой громады фактовъ одно органическое цѣлое, откроетъ точки взаимнаго ихъ соприкосновенія, приберетъ, такъ сказать, каждый суставъ къ его суставу, и тогда образъ минувшаго оживетъ въ нашемъ сознаніи, малѣйшія характерическія черты сохранять свою фізіогномію, каждое событіе будетъ имѣть свой смыслъ, займетъ свое надлежащее мѣсто въ общей массѣ цѣлаго.

Съ другой стороны нѣтъ, можетъ быть, ни одной науки, гдѣ бы путь къ истинѣ былъ такъ неровенъ и представлялъ столько препятствій, какъ въ Исторіи. Препятствія эти отчасти проистекають изъ самой ея сущности: предметъ Исторіи явленія

духовной жизни рода человеческого. Но каждое явление может быть слѣдствіемъ не одной только, а нѣсколькихъ причинъ. Отсель неизбежность гипотезъ, общій удѣлъ всѣхъ знаній опытныхъ. Такъ Физика, Медицина, болѣе или менѣе исполнены предположеній. Впрочемъ, въ наукахъ естественныхъ этотъ недостатокъ не такъ еще ощутителенъ: потому что явленія, которыя подлежатъ ихъ сферѣ, управляясь законами необходимости и находясь всегда заключенными въ кругъ однѣхъ и тѣхъ же перемѣнъ, время отъ времени повторяются. Слѣдовательно Наблюдателю всегда есть возможность повѣрить прежнія свои открытія и замѣнить ихъ другими, болѣе достовѣрными. Несравненно разнообразіе и измѣнчивые явленія міра духовнаго составляющія предметъ Исторіи: умъ и страсти производятъ безпрестанно новыя событія. Участіе человеческой свободы также много дѣйствуетъ на несовершенство исторіи. Согласно съ правилами Истинной философіи, при оцѣнкѣ нравственнаго достоинства дѣйствія, должно брать въ расчетъ желаніе, съ которымъ оно сдѣлано, и сообразно тому признавать добрымъ всякій поступокъ, предпринятый съ добрымъ намѣреніемъ, и на оборотъ почитать зломъ только то, что дѣлается нами вопреки лучшему вѣрованію. Но тай-

ныя помышленія сердца извѣстны одному Богу; никакой смертный не въ состояніи проникнуть въ глубину ихъ. Какъ человекъ, Историкъ можетъ ошибаться. И въ самомъ дѣлѣ, сколько яркихъ противоположностей, несогласимыхъ мнѣній относительно одного и тогоже лица. Александръ Македонскій, Юлій Цезарь, Октавій, Наполеонъ подѣ перомъ различныхъ писателей, являются совершенно другими людьми. Здѣсь, вы видите героевъ добродѣтели, достойныхъ благословеній человечества, а тамъ опасныхъ эгоистовъ, жертвовавшихъ всею своему ненасытному честолюбію. Конечно, любовь къ истинѣ и глубокое знаніе человѣческаго сердца могутъ освободить Историка отъ многихъ важныхъ погрѣшностей, но онъ не въ силахъ устранить ихъ совершенно. И какъ часто, принимая на себя священное званіе защитника добродѣтели, онъ беретъ оправдывать недостойнаго злодѣя, или же, смущаемый ложными опасеніями, налагаетъ клеймо позора на память несчастнаго страдальца, безвинно оклеветаннаго современниками и запрещаетъ потомству пролить слезу участія надъ его могилой!

Къ этимъ недостаткамъ, проистекающимъ изъ самой сущности исторіи, надобно присоединить еще недостатки другаго рода, также чрезвычайно важные. Разсматриваемая въ своемъ идеалѣ, какъ жи-

вая и полная картина человѣческихъ дѣйствій, Исторія представляетъ одну великую драму, состоящую изъ безчисленнаго множества актовъ; по настоящему въ кругъ ея должны входить всѣ проявленія духа человѣческаго. Но такой объемъ Исторіи не осуществимъ. Будучи ^{создавши} достояніемъ людей, она утратила всю полноту и всѣ совершенства своего идеала. Никакая сила ума не въ состояніи обнять этотъ безпредѣльный океанъ событій, съ каждымъ днемъ раждающихся и исчезающихъ, уловить эту разнообразную характеристику явленій, и между тѣмъ всякое событіе, по видимому, ничтожное, имѣетъ свой смыслъ, составляетъ известную букву въ великой книгѣ вселенной. Но, можетъ быть, скажутъ, что неполнота исторіи еще не составляетъ большой потери, по крайней мѣрѣ не препятствуетъ ея вѣрности, и что дѣеписатель, подобно искусному портретисту, который въ небольшомъ размѣрѣ сохраняетъ всѣ черты лица, на основаніи благоразумнаго эклектизма, можетъ представить вѣрное изображеніе человѣческой жизни, не прибѣгая къ подробностямъ. Не говоря уже трудности отличить не важное отъ важнаго положимъ такъ,—но и ограничивъ объемъ Исторіи одними главнѣйшими событіями, мы все таки найдемъ значительные пропуски, не досчитаемся цѣлыхъ столѣтій въ

жизни народовъ. Сколько эпохъ и государствъ отыграли свои роли, не оставивъ по себѣ памятниковъ, и сколько такихъ, которыя, по неизмѣннѣю письменъ, успѣли выразить бытіе свое только самымъ неопредѣленнымъ образѣмъ! Вообще, Исторія каждаго народа начинается гораздо позже вступленія его на театръ міра. Часто проходятъ вѣка прежде нежели наблюдатель соберетъ священные остатки древности, сбросить съ нихъ миѳическій покровъ и откроетъ несомнѣнные признаки истины. Но этотъ наблюдатель чловѣкъ другаго вѣка, окруженный настоящимъ, папитанный современными идеями, онъ съ трудомъ можетъ перенестись въ минувшее и представить картину міра, столь отличнаго отъ того, въ которомъ онъ живетъ и дѣйствуетъ.» Люди не могутъ имѣть понятія о предметахъ отдаленныхъ» замѣтилъ одинъ великій мыслитель. * По мнѣнію другаго, всякая не современная Исторія подозрительна. ** Но оста-

* L'esprit humain ne pouvant se faire aucune idée des choses lointaines et inconnues, il les juge sur les choses connues et présentes. C'est là la source inépuisable des erreurs, où sont tombés tous les savans, toutes les nations, au sujet des commencemens de l'humanité.
Vico (Фр. переводъ Мишле.)

*** Pascal. Pensées.

вимъ вѣка отдаленные, возьмемъ годину, повидимому, самую благопріятную для наблюдателя: я разумью современность. Историкъ современный, конечно, имѣетъ на своей сторонѣ важныя преимущества; подъ рукою у него находится болѣе средствъ, онъ можетъ знать что, какъ и отъ чего происходило; — за то сколько новыхъ препятствій! Предразсудки времени, мѣста, воспитанія, безпрерывно толпятся вокругъ его и образуютъ призму, за которою скрывается настоящій видъ предметовъ. Если опасеніе Г. Massias, будто нельзя писать современной Исторіи, слишкомъ отзывается скептицизмомъ, * то съ другой стороны и великое право писать *sine ira et studio*, требуемое Тацитомъ отъ Историка, едва ли можетъ быть выполнено современникомъ: положеніе его тѣмъ опаснѣе, чѣмъ изображаемый имъ предметъ касается ближе его сердца.

Недостатки, доселѣ изложенные мною, касаются однихъ Историческихъ матеріаловъ. Теперь когда все собрано, Дѣписателю предстоитъ трудъ соединить между собою этѣ разрозненные части и создать изъ нихъ одно стройное, для ума обѣятное

* Principes de littérature. См. Histoire des Progrès de la civilisation en Europe par H. Roux Ferrand, tome premier, pag. 323.

цѣлое. Но получивъ поврежденные матеріалы, остается ли онъ самъ безпогрѣшительнымъ, не надѣлаетъ ли съ своей стороны какихъ нибудь новыхъ ошибокъ? Подобно другимъ наукамъ, Исторія, сверхъ содержанія, имѣетъ еще и форму. Событія могутъ связываться между собою посредствомъ тысячи различныхъ способовъ. Отсель не одинаковость въ планъ и обработкѣ Исторіи, такое множество частныхъ направленій ея, которыя болѣе или менѣе отпечатлѣваются на себѣ духъ своего времени. Всякій въкъ выражалъ собою извѣстную идею, имѣлъ свои нужды, желанія, одержимъ былъ какимъ-нибудь недугомъ, для изцѣленія котораго онъ повсюду искалъ лѣкарства, вопрошалъ философію, религію, законодательство. Исторія также весьма рано должна была сдѣлаться помощницею человѣка: краткое разсмотрѣніе судьбы Дѣписанія въ различные времена подтвердить справедливость сказаннаго и вмѣстѣ съ тѣмъ, будетъ служить продолженіемъ моихъ доказательствъ относительно трудности достигнуть Исторической истины.

До насъ не дошли сочиненія Кадма и Гекатея Милетскаго, а посему мы должны начинать рядъ Дѣписателей съ Геродота, обыкновенно почитаемаго отцомъ Исторіи. Геродотъ писалъ въ самый счастливый періодъ политической и умственной жиз-

ни Греціи, когда послѣ великихъ побѣдъ, которы-
ми спасена образованность и свобода Европы, сла-
ва Еллинскаго имени наполнила всѣ страны свѣта,
и національный духъ, полный благороднаго созна-
нія собственныхъ силъ, явилъ прекраснѣйшіе образ-
цы въ разныхъ родахъ изящнаго. — Какое счастли-
вое время! Едва ли можно найти въ летописяхъ міра
другую эпоху, которая бы столь богата была доб-
родѣтелями, произвела вдругъ такое множество ве-
ликихъ людей. Для того, кто хотѣлъ писать Исто-
рію этаго вѣка, достаточно было представить одни
факты, изобразить вѣрную картину былаго, гдѣ бы,
какъ въ зеркалѣ, славное поколѣніе могло видѣть
свои подвиги и, такъ сказать, любоваться своимъ
величіемъ. Правоученія и философскіе выводы здѣсь
были бы совершенно излишни. Вотъ почему тво-
реніе Геродота есть чисто повѣствовательное, хотя
Авторъ, глубоко проникнутый чувствомъ гармоніи,
старался уже устранить слѣпой случай и владыче-
ство надъ міромъ ввѣрилъ всемогущей Судьбѣ, ко-
торая то споспѣшествуетъ то препятствуетъ уси-
ліямъ людей, смотря потому, дѣйствуютъ ли они съ
добрымъ или дурнымъ намѣреніемъ. Но наступила
другая эпоха. Поколѣніе перемѣнилось. Муза Исто-
ріи изъ рукъ Геродота перешла въ руки Фукидида.
Фукидидъ, современникъ Пелопонезской войны и сви-

дѣтель тѣхъ несчастныхъ событій, которыя, мало по малу истощивъ Грецію, приготовили ее въ до-
бычу Македонянамъ, естественно, долженъ былъ
имѣть другую цель, нежели его предшественникъ.
Правда, добродѣтели Еллиновъ не совсѣмъ еще ис-
требились: благородство и храбрость нѣкоторыхъ,
повременамъ, напоминали еще великіе подвиги ихъ
дѣдовъ. Но что значили эти отблески благоразумія и
геройства въ сравненіи съ всеобщимъ упадкомъ прав-
ственности, съ необузданностію страстей, съ ужасны-
ми пороками, которые съ каждымъ днемъ увеличи-
вались все болѣе и болѣе? Что значило превосход-
ство немногихъ въ сравненіи съ тяжкимъ недугомъ
общества, съ ослабленіемъ всѣхъ связей, поддер-
живающихъ жизнь, съ кровавыми междоусобіями
городовъ, съ безпредѣльнымъ несчастіемъ цѣлой
Еллады? Живя, посреди такихъ смуть, Фукидидъ
не могъ ограничиться простымъ рассказомъ фак-
товъ; нѣтъ, онъ долженъ былъ стараться пособить
злу и показать соотечественникамъ своимъ гибель-
ныя слѣдствія необузданности страстей. А для эта-
го ему надлежало съ престола всемірнаго владыче-
ства свергнуть Судьбу, и на мѣсто ея утвердить
господство человѣческой свободы, сдѣлать людей,
такъ сказать, полными хозяевами своихъ дѣйствій.
Вотъ почему Фукидидъ является опытнымъ госу-

дарственнымъ мужемъ, тамъ гдѣ Геродотъ просто по-
вѣтствуетъ; вотъ почему онъ преимущественно имѣетъ
въ виду пользу, * между тѣмъ какъ предшественникъ
его заботится единственно объ удовольствіи читателя,
и сводитъ все къ одному источнику, а именно че-
ловѣческому произволу, тогда какъ у Геротода дѣй-
ствуетъ вездѣ Судьба. Этимъ объясняется участь
творенія Фукидида: оно не могло, какъ впослед-
ствіи сбылось на самомъ дѣлѣ, ожидать благосклон-
наго приѣма отъ тѣхъ, которые все достоинство
Исторіи поставляютъ въ занимательности произ-
шествій, а должно было понравиться только умамъ,
несчастіями своего времени, расположеннымъ вни-
мать урокамъ опытности. Но, отвергая рѣшитель-
ное участіе судьбы въ дѣлахъ человѣческихъ, Фу-
кидидъ, однако не устранилъ ее совершенно. Этотъ
послѣдній шагъ сдѣланъ уже Полибіемъ; только сре-
ди такого положительнаго народа, каковы были
Римляне, могъ возникнуть разсудительный до без-
страстія прагматизмъ Полибія; его могъ только про-
извести самый холодный и прозаическій изъ всѣхъ
Историковъ древности, писатель, почитавшій воз-
можнымъ замѣнить философіею религію. Такимъ
образомъ Политическій прагматизмъ или, лучше ска-

* Ср. собственныя слова Фукидида: *κτῆμα τὸ ἐς ἀνὲρ μά-
λον ἢ ἀνθρώπου ἐς τὸ παραχρῆμα ἀκούειν ζυγιστάι.*

зять, практицизмъ былъ слѣдствіемъ потребности
вѣка. Но въ то время, когда гражданскія смуты и
потрясенія общества заставили людей быть болѣе
осторожными, нѣкоторые благородные умы, опе-
чаленные зрѣлищемъ настоящаго, исполнялись спра-
ведливаго негодованія къ порокамъ и втайнѣ изы-
скивали средства пріостановить распространяюще-
еся зло. Исторія и здѣсь не осталась безъ дѣла:
наравнѣ съ Философіею, она спѣшила подать руку
помощи упадающей нравственности. Первымъ ви-
новникомъ нравственного направленія былъ Ксено-
фонъ: въ такомъ духѣ написаны имъ Киропедія,
Лакедомонская и Аѳинская Республики. Впослѣд-
ствіи, оно нашло ревностнаго поборника въ Плу-
тархѣ, который, подобно Ксенофону, принадлежалъ
къ вѣку упадка, былъ свидѣтелемъ угасающей доб-
лести колоссальнаго города Ромула и Весты. При-
ближенный къ Престолу, другъ Адріана и Антонина,
онъ съ энтузіасмомъ подвизался на поприщѣ служе-
нія обществу и въ событіяхъ минувшихъ вѣковъ ис-
калъ уроковъ для настоящаго и будущаго. Но тщет-
ны были усилія добродѣтельнаго Проконсула Ахаіи;
идеальное величіе его героевъ немогло плѣнить
развращенныхъ потомковъ Цинцинатовъ, Фабриці-
евъ, Камилловъ и государственный организмъ, пот-
рясенный въ самомъ основаніи, съ каждымъ днемъ

болѣе и болѣе клонился къ упадку. Нравственное направленіе, согласуясь вполне и съ языческою Философіею и съ Христіанскими понятіями, имѣло многихъ послѣдователей между учеными древняго и новаго міра. Даже было время, когда оно составляло нѣкоторый родъ маніи. Дѣятели рассматривали происшествія, единственно со стороны ихъ назидательности, и радовались, если могли найти какой-нибудь поучительный фактъ, не разбирая строго его подлинности. Это естественно должно было вызвать на поле дѣятельности умы строгіе и породить историческій скептицизмъ. Еще прежде Плутарха, Діонисій Галикарнасскій, соскучивъ несмысленными баснями о началѣ Римской Имперіи, рѣшился подвергнуть критическому изслѣдованію древнія сказанія и посвятилъ этому тяжкому труду большую часть своей жизни. Хотя намѣреніе Автора Археологій и не увѣчалось успѣхомъ, однакожь направленіе, данное имъ Исторіи, послѣ долгаго премежутка, ожило на новой Европейской почвѣ и достигло высшаго своего развитія въ концѣ прошлаго столѣтія. Почти, предъ нашими глазами, цѣлые четыре вѣка Римской Исторіи пали подъ молотомъ разрушительной критики Нибура, около того же времени Ранкъ потрясъ политическое зданіе Липурга, а Фридрихъ Августъ Вольфъ не усомнился раздѣ-

Въ Копію Отвѣда Миллера представляет
его нѣкоторый видъ древняго исторіи
Бреген,

лить славу одного великаго Генія между цѣлымъ поколѣніемъ пѣвцовъ. Историко-Критическое направленіе, будучи порождено безкорыстною любовью къ истинѣ, уже по одному этому заслуживаетъ уваженіе; но къ сожалѣнію и здѣсь не обошлось безъ крайностей. Въмѣсто благоразумной умѣренности и законнаго сомнѣнія въ подлинности фактовъ, умы мрачныя вездѣ начали видѣть одни мины и на каждомъ шагѣ пугать свое воображеніе призракомъ басень. Такимъ образомъ самая любовь къ истинѣ не могла спасти человѣка отъ заблужденій и сдѣлалась въ свою очередь новымъ источникомъ погрѣшностей. Всѣ, досель изложенныя мною, формы Исторіи возрасли на почвѣ древняго міра и усвоены учеными Христіанской Европы. Ихъ достаточно было для человечества древняго, еще слишкомъ бѣднаго опытами, юнаго, занятаго вѣчною борьбою съ обстоятельствами, но они не въ состояніи были удовлетворить умственнымъ потребностямъ народовъ новыхъ, которые послѣ того столько видѣли и испытали, коихъ непрерывныя бури и перевороты низвергали попеременно въ положенія столь различныя, предъ коими распадались во прахъ государства; расколы, мнѣнія. * Нестерпимый видъ

* La philosophie de l'histoire fut ignorée des anciens et

безконечныхъ развалинъ, однихъ началъ безъ конца, стремлений безъ цѣли долженъ былъ возмутить умы благородные и заставить ихъ искать общей связи, соединяющей въ одно всѣ вѣка и поколѣнія. Эта-то высокая мысль произвела знаменитыя *Ideen zur Philosophie der Geschichte* Гердера * и еще прежде вдохновила Вико. Глубоко проникнутый чувствомъ истины, Вико, при помощи обширной учености и рѣдкой проницательности, успѣлъ разъяснить мракъ, покрывавшій происхожденіе обществъ и нащелъ три, дотошъ неизвѣстные міра (три чело-в. возраста, или вѣка его системы), хотя къ концу своего гениальнаго творенія, какъ бы пораженный колосальностію предпринятаго имъ труда, онъ видимо ослабѣлъ и вмѣсто того, чтобы преслѣдовать дальнѣйшій ходъ успѣховъ ума, подобно Макиавелли, принялъ роковые циклы или повороты,

devait l'être, car ils n'avaient point assez vu pour être importunés de la fatigante mobilité du spectacle. Cousin (Fragmens philosophiques.)

* Вотъ что говоритъ самъ Гердеръ: Grausenvoll ist der Anblick in den Revolutionen der Erde nur Trümmer auf Trümmern zu sehen, einige Anfänge ohne Ende, Umwälzungen des Schicksals ohne dauernde Absicht, die Kette der Bildung allein macht aus diesen Trümmern ein Ganzes, in welchem zwar Menschengestalten verschwinden, aber der Menscheng Geist unsterblich und fortwirkend lebet.

какъ крайнюю грань, которую сама судьба противопоставила усиліямъ чловѣка. По слѣдамъ Италіанскаго мыслителя шли во Франціи Бюлланже, Тюрго и Кондорсе съ тѣмъ только различіемъ, что они приняли идею Бекона о безостановочной усовершенваемости рода чловѣческаго. Поставленная на чреду науки геніями Вико и Гердера, Философія Исторіи съ конца прошлаго столѣтія смѣло водрузила побѣдное свое знамя на развалинахъ школъ политической и нравственной. Преимущество ея предъ прочими направленіями состоитъ въ общности идеи, тогда какъ тѣ болѣе или менѣе частны и односторонни. Но и здѣсь пытливость ума шагнула слишкомъ далеко. Въмѣсто того, чтобы съ благоразуміемъ воспользоваться уроками опытности и основать теорію на практикѣ, нѣкоторые дерзскіе умы простерли слишкомъ далеко свои высокомерныя помыслы, отважились испытывать судьбы Провидѣнія и, въ гордомъ ослѣпленіи, мечтали, будто они успѣли постигнуть все, разгадать назначеніе чловѣка, природы и тайны мірозданія. Вотъ какъ отвѣчаетъ одинъ изъ новѣйшихъ поборниковъ этой школы Buchez на заданный имъ себѣ вопросъ: какова цѣль общественной дѣятельности? «Очевидно, говоритъ Авторъ, что искать ее надобно въ предметѣ высшемъ, нежели само общество, въ чемъ ни

*

будь такомъ, что заключаетъ подъ собою общество. Следовательно, желая опредѣлить цѣль дѣятельности какого либо народа, мы должны начать съ опредѣленія дѣятельности всего человечества; если же хотимъ постигнуть конечную цѣль человечества, то должны искать ее въ чемъ нибудь вышемъ, а именно: въ законъ дѣятельности земнаго шара и солнечной системы, къ которой онъ принадлежитъ: потому что одинъ только міръ выше человечества. Наконецъ, цѣль мірозданія можно знать не иначе, какъ постигнувши волю Бога. (On ne peut évidemment la (formule de l'activité sociale) chercher que dans quelque chose de plus grand que la société, dans quelque chose qui la comprenne elle-même tout entière. Ainsi s'agit-il de déterminer le but d'activité d'une nation, il faut le trouver par la définition du but d'activité de l'humanité; s'agit-il de reconnaître le but final de l'humanité, il faut le chercher dans quelque chose qui soit plus qu'elle, dans la formule de la fonction du globe terrestre et du système planétaire au quel il appartient: car il n'y a que le monde qui soit plus grand que l'humanité. Enfin, l'on ne peut savoir le but de la création entière qu'en connaissant la volonté de Dieu, (Introduction à la science de l'histoire. Tome premier. page 46). Удивительно ли, что послѣ такихъ высокомерныхъ при-

тизаній, Авторъ, при всей своей учености, дошелъ до результата, противнаго уму и Откровенію: будто родъ человѣческій создавался дважды, прежде нежели получилъ ту организацію, какую имѣетъ теперь. (Tome II page 176). Другой недостатокъ большей части Философскихъ Исторій состоитъ въ томъ, что Авторы ихъ, увлекаемые духомъ системъ, мало обращаютъ вниманія на факты. Къ этой категоріи относятся *Vorlesungen über die Philosophie der Geschichte* Гегеля, твореніе, основанное на слишкомъ умозрительныхъ началахъ и произвольномъ выборѣ содержанія, такъ что Авторъ разсматриваетъ тѣ только цивилизаціи, которыя ему заблагоразсудилось, исключивъ, безъ достаточнаго основанія, изъ системы своей цѣлые народы. * *Introduction à l'histoire universelle* Мишеле также принадлежитъ къ числу многочисленныхъ попытокъ подвести подъ искусственныя формы историческія данныя съ ущербомъ для истины. Впрочемъ всѣ эти упреки болѣе падаютъ на худое употребленіе Философіи Исторіи, нежели на самую ея идею. Философское обработываніе Исторіи, въ продолженіи цѣлаго полвѣка, оставалось господствующимъ, имѣя и теперь ревностныхъ своихъ защитниковъ въ какъ примѣръ одного великаго человѣка,

* См. Hegels *Vorlesungen über die Philosophie der Geschichte*, herausgegeben von Eduard Gans. Ст. 101—107.

угадавашаго требованія вѣка увлекъ за собою подражателей, и далъ новое направленіе Бытописанію. Этотъ замѣчательный переворотъ произведенъ Вальтеръ-Скоттомъ. Занимаясь съ энтузіасмомъ изученіемъ народности и соединяя творческій талантъ съ обширными книжными познаніями, Вальтеръ-Скоттъ въ неподражаемыхъ своихъ романахъ изобразилъ картину человѣческой жизни, картину яркую, живую, невозмущаемую ни докучливымъ педантизмомъ, ни ложными умствованіями, * Исторія не замедлила узнать свое родное и, оставивъ грозное званіе судьи, столь мало ей свойственное, рѣшилась сдѣлаться описательницею человѣческихъ дѣйствій. L' Histoire des ducs de Bourgogne Баранта открываетъ собою рядъ историческихъ твореній, обработанныхъ по идеѣ Вальтеръ-Скотта; но на вы-

* La lecture des romans de Walter-Scott à tourné beaucoup d'imaginations vers ce moyen âge dont naguère on s'éloignait avec dédain, et s'il s'opère de nos jours une révolution dans la manière de lire et d'écrire l'histoire, ces compositions y auront singulièrement contribué. Thierry. (Lettres sur l'histoire de France pag. 81, 1829, Paris.)

Подробную оцѣнку историческихъ заслугъ Вальтеръ-Скотта можно видѣть въ рѣчи, произнесенной Г. Профессоромъ Луинымъ въ 1836-мъ году, во время Университетскаго Акта. Харьковъ.

сочайшей степени совершенства это направление является у Тьерри въ его *Lettres sur l'histoire de France*. Читая Тьерри, вы видите предъ собою сцену дѣйствія, лица, давно уже умершія, но волшебному мановенію историка, кажется, встали изъ своихъ гробовъ и объясняются съ вами на своемъ родномъ языкѣ, каждый съ своимъ индивидуальнымъ характеромъ, съ обычаями и повѣрьями, свойственными его времени, и производятъ на васъ неописанное впечатлѣніе. Живописное направление всего болѣе прилично Исторіи; но съ другой стороны, нельзя согласиться и съ тѣми, которые всю задачу ея ограничиваютъ вѣрнымъ изображеніемъ дѣйствія и отвергаютъ всякое стремленіе ума подводить подъ общіе законы явленія человеческой жизни. Думать такимъ образомъ—значить смѣшивать цѣль съ средствомъ, значить произвольно изключать Исторію изъ круга наукъ и, обращая все свое вниманіе на разнобразіе фактовъ, терять изъ виду единство, этотъ основной законъ вселенной, который столь краснорѣчиво говоритъ о присутствіи въ мірѣ Божественнаго Промысла! * Благо-

* Les philosophes ont ou entièrement meconnu la Providence, comme les Stoïciens et les Epicuriens, ou l'ont considérée seulement dans l'ordre des choses

разумное сочетаніе элемента философскаго съ живописнымъ, тамъ гдѣ они совмѣстимы, есть, кажется, лучшее средство сохранить истину.

Излагая недостатки Исторіи, я ни сколько не думалъ отвергать пользу и важность ея изученія. Историческій скептицизмъ прошлаго столѣтія въ наше время былъ бы смѣшнымъ и неумѣстнымъ. Мнѣ хотѣлось только показать необдуманность тѣхъ писателей, которые выдаютъ собственные свои теоріи за верхъ совершенства и отзываються неуважительно о трудахъ своихъ предшественниковъ, не воображая, что завтра точно такимъ образомъ поступать и съ ними, и что дерзкая критика будетъ столь же безжалостно осуждать труды ихъ на вѣчное забвеніе. Успѣхи Исторіи въ новѣйшее время, общность ея направленія и поразительное сходство въ результатахъ школъ критической и философской, не смотря на ихъ различіе, кажется, должны доказать намъ, что

physiques. Ils donnent le nom de théologie naturelle à la métaphysique, dans laquelle ils étudient cet attribut de Dieu, et ils appuient leurs raisonnemens d'observations tirées du monde matériel, mais c'était surtout dans l'économie du monde civil qu'ils auraient dû chercher les preuves de la Providence. Vico. C. Principes de la Philosophie de l'histoire, traduits de la scienza nuova par Michelet, page 84.

здѣсь, какъ и вездѣ, идея усовершенствованія не есть одинъ пустой обманъ и что рано или поздно она осуществится, при единодушномъ усилии чело-вѣчества, по крайней мѣрѣ сколько это возможно въ здѣшней жизни. Какъ заповѣдная лѣтопись ми-нувшаго и хранительница опытовъ, Исторія вполне достойна вниманія просвѣщеннаго наблюдателя и, по справедливости, занимаетъ почетное мѣсто въ системѣ преподаванія у всѣхъ просвѣщенныхъ народовъ. Ка-кимъ же путемъ легче и надежнѣе можно достиг-нуть исторической истины?

Всѣ способы изложенія Исторіи, не смотря на множество отъѣнковъ, могутъ быть приведены къ двумъ главнымъ методамъ: Повѣствовательному и Прагматическому. Значеніе перваго понятно и, кажется, не требуетъ изъясненія. Но не такъ лег-ко опредѣлить, въ чемъ заключается сущность Ис-торіи Прагматической: Въ каждой почти истори-ческой книгѣ встрѣчается это слово и всегда съ болѣе или менѣе различными толкованіями, нерѣд-ко произвольными, такъ что, по видимому, писа-тели не имѣли яснаго сознанія о томъ, что они го-ворили. Вотъ почему я считаю необходимымъ оста-новиться на опредѣленіи прагматизма.

Основателемъ прагматической Исторіи, обыкно-вено, почитаютъ Полибія. Значеніе ея изложено

этимъ Писателемъ въ 3 книгѣ, главѣ 31. * По мнѣ-
нію Полибія, Историкъ долженъ обращать внима-
ніе на ходъ событій, ихъ причины и слѣдствія и
къ этому присовокупить еще свое собственное за-
мѣчаніе. * Но такой способъ едвали можетъ слу-
жить вѣрнымъ средствомъ къ открытію истины.
Всякое событіе, какъ я замѣтилъ уже, допускаетъ
не одну, а нѣсколько причинъ, условившихъ его бы-
тіе, и слѣдовательно Историкъ легко можетъ заблу-
диться, если только не изберетъ одного твердаго на-
чала, изъ котораго бы необходимымъ образомъ разви-
вались всѣ частныя событія. Еще можно употреблять
этотъ способъ при изображеніи эпохи къ намъ
близкой, но онъ совершенно неудобенъ, когда дѣло
идеть о вѣкахъ отдаленныхъ: ибо человѣческія вѣ-
рованія, коими опредѣляется ходъ дѣйствій, въ те-
ченіи времени измѣняются: то что намъ теперь ка-
жется неважнымъ, нѣкогда сильно занимало умы,

* Διόπερ οὐχ οὕτως ἐστὶ Φροντιστέον τῆς αὐτῶν τῶν πράξεων
ἐξηγήσεως, ὅντε τοῖς γράφουσιν, ὅντε τοῖς ἀναγινώσκουσι
τας ἱστορίας, ὥς τῶν πρότερον, καὶ τῶν ἄμα, καὶ τῶν
ἐπιγιγνομένων τοῖς ἔργοις. Ἱστορίας γὰρ ἐὰν ἀφέλῃ τις τὸ
διὰ τί, καὶ πῶς, καὶ τίνας χάριν ἐπράχθη, καὶ τὸ πραχθὲν
πότερά ἐυλογον ἔσχε τὸ τέλος τὸ καταλειπόμενον αὐτῆς,
ἀγώνισμα μὲν, μάθημα δὲ οὐ γίγνεται καὶ παραυτίκα μὲν
τέρπει, πρὸς δὲ τὸ μέλλον οὐδὲν ὠφελεῖ τὸ παράπαν.

и на оборотъ, предметы, живо интересующіе насъ, не обратили бы вниманія людей, упредившихъ насъ нѣсколькими тысящелѣтіями на поприщѣ жизни. И здѣсь наблюдателю легко сбиться съ дороги и, при изложеніи произшествій, принять такія причины, которыя въ самомъ дѣлѣ не существовали, какъ то неоднократно случалось уже на опытѣ. Мы теперь удивляемся какимъ образомъ вся Греція вооружилась противъ Трои за похищеніе одной прекрасной женщины, а едвали простое поэтическое сказаніе не справедливѣе мнимыхъ политико-комерческихъ видовъ, которыя, по мнѣнію нашему, привели Ахейскую рать подъ стѣны Иліона, или догадки Фукидида, почитающаго побудительною причиною дружнаго возстанія Еллиновъ волю Агамемнона, сильнѣйшаго изъ Греческихъ Царей, Владыки Микенъ и Аргоса. * По стопамъ Полибія шли знаменитые англійскіе Историки Юмъ и Робертсонъ, умы въ высочайшей степени точные и систематическіе, которые все хотѣли объяснить дѣйствиємъ естественныхъ причинъ и отъ того, при всемъ своемъ глубокомысліи, нерѣдко дѣлали важные про-

* *Αγαμέμνων τὲ μοι δοκεῖ τῶν τότε δυνάμει πρῶτων, καὶ εἰ τοσούτου τοῖς Τυνδαρεῶ ὄρκοις κατεῖλημμένους τὰς Ελένης μνηστῆρας ἄγων, τὸν σόλον ἀγεῖραι.* Кн. 1, 9.

махи. Такъ на пр. Робертсонъ, въ одномъ мѣстѣ своей исторіи Карла V, разсуждая о Реформаціи, упрекаетъ Папу Леона X за то, что онъ не принималъ рѣшительныхъ мѣръ къ подавленію ея въ самомъ началѣ и колебался между строгостію и снисхожденіемъ. Но, разсуждая такимъ образомъ, Историкъ упустилъ изъ виду тогдашнее положеніе Римскаго Первосвященника, по случаю обстоятельствъ, которыхъ не въ состояніи были отвратить человѣческія силы. * Вообще форма изложенія у обоихъ, названныхъ мною, Историковъ ни сколько не соответствуетъ характеру описываемыхъ ими происшествій. Читая Робертсона, какъ остроумно замѣчаетъ одинъ Французскій Критикъ, непонимаешь, какимъ образомъ событіе, столь спокойно разсказанное, могло потрясти міръ. **

И такъ одно показаніе причинъ и слѣдствій излагаемыхъ фактовъ еще не составляетъ Прагматической Исторіи въ ея истинномъ значеніи. Какъ Анатомикъ, сколько бы онъ ни былъ искусенъ, не

* Таковы на пр. печальная смерть Максимилиана и открывшееся по этому случаю сожительство между Карломъ V и Францискомъ за Императорскій престолъ.

** См. Histoire des progrès de la civilisation en Europe par Roux. Ferrand. Discours d'ouverture, page XIII.

можетъ возсоздать человѣческаго организма изъ оторванныхъ частей тѣла, такъ и Дѣписателю не воскресить минувшаго, если онъ не разгадаетъ самой души, которая нѣкогда оживляла цѣлое и не спрыснетъ мертвыхъ костей водою жизни. Это идеаль, къ достиженію котораго долженъ стремиться Историкъ. Но такъ какъ выше представленныя причины противопоставляютъ сильныя преграды на пути къ исторической истинѣ, а съ другой стороны, идеаль науки съ каждымъ вѣкомъ становится совершеннѣе, то дабы согласить временныя обстоятельства съ требованіями разума, я попытаюсь представить чертежъ Прагматической Исторіи, который бы, по возможности, удовлетворялъ своею полнотою и вѣрностію, избѣгая односторонности разсмотрѣнныхъ мною направленій. Міръ человѣческій, подобно природѣ видимой, являетъ одно стройное цѣлое, хотя, какъ царство свободныхъ существъ, несравненно превышаетъ ее разнообразіемъ и подвижностію формъ. Уловить и выразить это единство, не по фантазмагорическимъ указаніямъ мечтательнаго ума, часто создающаго отвлеченные образы, а на основаніи истиннаго значенія жизни, т. е: со всѣми ея безчисленными оттѣнками и переживаниями, которые, съ перваго взгляда, своею прихотливостію, кажется, уничтожаютъ всякое по-

Отмѣтка

нятіе порядка; такова задача предстоящая рѣшенію Историка; а потому прежде всего онъ долженъ стараться вникнуть въ идею, выражаемую извѣстнымъ народомъ, или государствомъ, и слѣдить за развитіемъ ея въ различные періоды, не останавливаясь на однихъ только политическихъ измѣненіяхъ, но принимая во вниманіе состояніе всего общества. Превосходный примѣръ такого прагматизма представляетъ Новая Наука Вико. Дѣленіе на три великіе вѣка или возраста, взятое Авторомъ въ основаніе своей системы, опирается не на одномъ какомъ-нибудь началѣ: напр. образъ правленія, религій, законахъ или языкѣ, но на совокупности всѣхъ стихій народной жизни. Каждый вѣкъ является у него съ приличною фیزیогноміею и свойственными ему чертами. Такъ Ахилесъ, царь временъ героическихъ, есть лицо совсѣмъ другаго міра, нежели Полиѳемъ, представитель вѣка Божественнаго; такъ языкъ іероглифическій, по естественному порядку вещей, предшествуетъ человѣческому, учрежденія гражданскія развиваются изъ закона религіознаго и, наконецъ, монархія есть результатъ всѣхъ прежнихъ образовъ правленія, которыя человѣчество испытало въ различныя эпохи своей исторической жизни.*

* Principes de la Philosophie de l'histoire de J. B. Vico, traduits par Jules Michelet. à Paris. 1827.

Потомъ, когда дѣписатель разгадасть общій характеръ цѣлаго, на второмъ планѣ могутъ стоять политическія перемѣны; но и здѣсь онъ не долженъ ограничиваться однимъ изложеніемъ ихъ, а стараться, по возможности, опредѣлить ихъ вліяніе на судьбу всего общества, тѣмъ болѣе, что государственные перевороты какъ-то: ^{перемѣны} уничтоженіе прежняго образа правленія, и тому подоб: всегда сопровождались важными послѣдствіями для цивилизаціи народа, особенно, если они были условлены духомъ времени. Далѣе, третье мѣсто на картинѣ его могутъ занять разныя достопамятныя происшествія изъ жизни внѣшней, каковы на пр. вступленіе на престолъ знаменитыхъ государей, мирные трактаты, войны, но такія событія во первыхъ не должны противорѣчить внутреннему ходу вещей, а во вторыхъ, они могутъ быть допущены только въ книгахъ учебныхъ, которыя пишутся съ тѣмъ, чтобы облегчить молодымъ людямъ затверживаніе фактовъ и совершенно не нужны въ сочиненіяхъ предназначенныхъ для свѣта. Излишнимъ было бы напоминать, что при систематической обработкѣ Исторіи необходимо тщательное изученіе источниковъ: приступая къ каждому отдѣлу, Авторъ долженъ привести писателей, коими онъ пользовался, ознакомить читателя съ ихъ духомъ и показать ихъ от-

ношенія къ излагаемому предмету, не вдаваясь въ подробности, но ограничивая себя одними истинно-характеристическими чертами. Такимъ образомъ поступилъ Герень, хотя видъ конспекта, данный знаменитымъ Профессоромъ обоимъ своимъ учебникамъ, заставилъ его ограничиться намеками тамъ, гдѣ потребно болѣе обстоятельное развитіе. Указанія на источники особенно необходимы при изложеніи спорныхъ мѣстъ, которыя, къ сожалѣнію, нерѣдки въ Исторіи и отъ которыхъ едвали когда нибудь она освободится. Здѣсь кстати припомнить слова Ансимьона. Говоря о невозможности остаться совершенно безпристрастнымъ, этотъ остроумный писатель заключаетъ свое разсужденіе такъ: наконецъ, есть очень простое средство сдѣлать пристрастіе свое наименѣе опаснымъ, показавъ духъ и цѣль своего сочиненія. Астрономъ обозначаетъ широту и долготу мѣста, изъ котораго онъ наблюдалъ комету или затмѣніе, и знакомитъ насъ съ свойствомъ и силою своихъ орудій. Если онъ ошибся, то даетъ другимъ средство исправить свою погрѣшность. Такимъ образомъ и Историкъ, объявляя искренно о своихъ политическихъ вѣрованіяхъ и правилахъ, которыми онъ руководствовался, даетъ намъ возможность оцѣнить свой трудъ и исправить ложныя мнѣнія. (Au reste, il est un moyen très simple

de rendre sa partialité peu dangereuse; c'est d'annoncer l'esprit et le point de vue dans on écrit l'histoire. Un astronome indique le degré de latitude et de longitude du lieu où il a observé une comète ou une éclipse, et fait connaître la nature et la force de ses instruments. S'il se trompe, il donne lui-même les moyens de rectifier son erreur. De même aussi, l'historien qui fait profession de foi politique, et qui énonce hautement les principes qui l'ont guidé dans son travail, nous donne les moyens de l'apprécier et de rectifier ses faux jugements. *

Но обязанностями, изложенными мною, еще не оканчивается подвигъ дѣписателя. Теперь, когда постигнуть духъ цѣлаго и распределены массы, ему предстоитъ трудъ заняться индивидуальностями, дотронуться магическимъ жезломъ своимъ до каждаго изъ представителей эпохъ и изъяснить его дѣйствія изъ духа времени. Людей, поступавшихъ сообразно потребностямъ вѣка и лучшему своему убѣжденію, онъ запишетъ въ числѣ великихъ и изобразить во всей мрачной наготѣ тѣхъ, которые жертвовали честолюбивымъ своимъ замысламъ об-

* Tableau des revolutions du système politique de l'Europe. Tome 2 Paris 1823. см. Reflexions sur l'impartialité historique, page 31.

щимъ благосостояніемъ, не слушаясь голоса совѣсти, или же, ослѣпляемые страстями, безразсудно губили себя и другихъ. Наконецъ, отъ вниманія его не должны ускользнуть и лица менѣе важныя по своему вѣсу въ обществѣ, если только они имѣли какое нибудь вліяніе на ходъ излагаемаго имъ произшествія, тѣмъ болѣе, что самыя великіе перевороты часто начинались событіями маловажными, подобно громовой тучѣ, зараждающейся изъ тонкаго облака.

Такова, по мнѣнію моему, должна быть сущность прагматической Исторіи. Органическое развитіе частей изъ цѣлаго составляетъ необходимое ея условіе. Не всѣ, однако, мыслители оправдываютъ такой взглядъ на Исторію. Нѣкоторые изъ нихъ осуждаютъ всякое покушеніе со стороны дѣписателя приводить частныя случаи къ общимъ началамъ и хотятъ ограничить кругъ его дѣйствій одною живописью произшествій. Вотъ что говоритъ знаменитый Тьерри о разныхъ способахъ писать Исторію въ известномъ своемъ сочиненіи: *Lettres sur l'histoire de France*, page 77. *Lettre V.*

«Съ начала рожденія новѣйшей Исторіи, т. е. отъ изобрѣтенія книгопечатанія по настоящее время, поочередно, господствовали три историческія школы: школа лѣтописная среднихъ вѣковъ, школа

класическая или италіанская и школа прагматическая, знаменитѣйшіе писатели коей пользуются теперь Европейскою славою. Какъ за двѣсти лѣтъ предъ этимъ во Франціи удивлялись твореніямъ Гвичардини и Давилъ, такъ теперь хотятъ имѣть своихъ Робертсоновъ и Юмовъ. Но не ужели въ самомъ дѣлѣ творенія этихъ писателей представляютъ образецъ историческаго совершенства? Ужели они столько удовлетворительны для насъ, какъ напримѣръ для древнихъ былъ удовлетворителенъ планъ историковъ древности? Я не думаю. Напротивъ того, мнѣ кажется, что эта философская форма имѣетъ тѣже недостатки, какъ и форма чисто литературная прошедшаго столѣтія. По моему, разсужденія, къ коимъ прибѣгаютъ нѣкоторые писатели для объясненія характера различныхъ эпохъ и портреты, отдѣленные отъ лицъ, совершенно не умѣстны въ Исторіи. Люди и вѣка должны сами выступить на сцену и показаться предъ читателемъ нѣкоторымъ образомъ живыми, не заставляя его перевернуть сто страницъ, для того чтобы получить понятіе объ ихъ характерѣ. Отдѣлять факты отъ того, что составляетъ ихъ цвѣтъ и фізіогномію есть самая ложная метода: это несвязное соединеніе двухъ твореній: философскаго и историческаго.»

Если упреки Тьерри отчасти и справедливы, то

они падаютъ однакоже скорѣе на худое употребленіе прагматической Исторіи, нежели на самую ея идею. Мы видѣли уже, что точность системы нисколько не вредитъ живости изображенія фактовъ. Но этого мало. Нѣкоторые писатели охуждаютъ покушеніе развивать событія изъ одного начала даже и въ тѣхъ историческихъ твореніяхъ, кои предназначаются для публичнаго преподаванія въ училищахъ и имѣютъ цѣлю облегчить труды юношества на поприщѣ занятія Исторіею. Историческій прагматизмъ, по мнѣнію ихъ, служитъ опорой шарлатанству и даетъ невѣжамъ средство не только прикрыть свои жалкія познанія, но и еще, при всей ничтожности свѣдѣній, гордиться предъ тѣми, которые шли къ цѣли путемъ добросовѣстнаго и долгаго изученія. Они опасаются, что молодые люди, оставивъ самостоятельныя изслѣдованія, примутся за легчайшій способъ занятія Исторіею, что писатели будутъ представлять невѣрное изображеніе времени, а картину, порожденную ихъ собственнымъ умомъ и фантазіею, картину, часто неимѣющую никакой цѣнности: потому что она есть только отпечатокъ разстроеннаго воображенія художника; наконецъ, что вмѣсто благороднаго соревнованія въ изученіи источниковъ и искусства изображать дѣйствіе, родится страсть щеголять другъ

передъ другомъ возвышенностію и новостію взгля-
довъ и дать полный просторъ тѣмъ ложнымъ ум-
ствованіямъ, которыя столько нанесли вреда дру-
гимъ наукамъ и не одного уже Историка сбили съ
прямаго пути. Но если эти опасенія не совсѣмъ не-
основательны, если легкіе умы, увлекаемые тщесла-
віемъ и модою, не сообразившись съ силами
своими, стремились къ цѣли и нерѣдко падали са-
мымъ печальнымъ образомъ, то, съ другой стороны,
несправедливо было бы полагать, будто глубина
взгляда исключаетъ его правильность и что съ
прагматическимъ изложеніемъ Исторіи несомѣст-
ны ни обширная ученость, ни основательное зна-
ніе фактовъ. * Напротивъ того, кажется, не под-
лежитъ никакому сомнѣнію, что система тогда толь-
ко хороша и достойна вниманія, когда она есть
плодъ долговременныхъ наблюденій. Предоставимъ
тѣмъ вѣтреннымъ головамъ дѣлать, что имъ угодно:
наука отъ того нисколько не потеряетъ, равно какъ
ничего и не выиграетъ. Пылкіе фанатики и изуверы
являлись во всѣ времена и вѣроятно будутъ
являться, доколѣ человечество не перестанетъ стре-
миться къ новымъ идеямъ. Но тѣхъ, надъ колыбелью
которыхъ бодрствовала муза Исторіи, не отвле-

* Einleitung Лудена къ идеямъ о Философіи Исторіи Гер-
дера . Стр. XXXIII-V.

кутъ отъ пути истины ни мистицизмъ, ни легкомысліе, и не помѣшаютъ имъ изобразить вѣрную картину человѣческой жизни, со всѣмъ поэтическимъ разнообразіемъ ея оттѣнковъ.

Слѣдующія причины, служа опроверженіемъ мнѣнія тѣхъ, которые все достоинство Исторіи поставляютъ въ живописи происшествій, какъ бы указываютъ на необходимость прагматизма. Во 1хъ, свойство историческихъ данныхъ. Кромѣ фактовъ матеріальныхъ, видимыхъ, такъ сказать осязаемыхъ, каковы напр. сраженія, войны, офиціальныя факты правительства, есть еще факты моральныя, скрытыя, но тѣмъ не менѣе дѣйствительныя, коихъ нельзя заключить въ опредѣленныя границы, и которыя, однакожъ, наравнѣ съ другими фактами, составляютъ собственность Исторіи и не могутъ быть исключены изъ сферы ея безъ ущерба для полноты изображенія. * Но, можетъ быть, скажутъ: пусть Историкъ расположить эти данныя такимъ образомъ, чтобы моральная истина явствовала сама собою, — дѣло, конечно похвальное, но неудобноисполнимое, особенно въ общихъ историческихъ сочиненіяхъ, гдѣ для изображенія характера ка-

* Histoire de la civilisation en Europe par Guisot. Leçon 1 pag. 8.

кой-нибудь эпохи предназначаются всего двѣ или три страницы. А если бы оно было даже и осуществимо, то едвали полезно: потому что тогда Авторъ вышелъ бы изъ границъ своей системы и, становясь искусственнымъ, пересталъ бы быть истиннымъ. * 2-е Обстоятельство, дѣлающее умствование въ Исторіи неизбежными, есть неполнота историческихъ матеріаловъ. Много ли такихъ счастливыхъ и столь богатыхъ памятниками эпохъ, каковы напр. политическая жизнь Бургундіи и завоеваніе Англіи Норманнами, описанное Г. Тьерри? Какіе важные пропуски представляютъ цѣлые отдѣлы Исторіи, сколько чертъ недостаетъ для полноты характеровъ самыхъ величайшихъ людей. Конечно, Дѣписатель, глубоко изучившій свой предметъ, можетъ мысленно перенестись на сцену дѣйствія, можетъ нѣкоторымъ образомъ отгадать, что тогда-то, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, изображаемое имъ лицо думало или говорило, но этотъ

* Il peut, me dira-t-on, coordonner ces faits (moraux) de telle façon que la vérité morale en ressorte; mais alors il sort de son système et souvent du vrai; car dès qu'il y a de l'art dans la composition, il n'y a pas plus du vrai que de naïveté. Roux Ferrand. Histoire des progrès de la civilisation en Europe, discours d'ouverture, page. VIII—IX.

способъ, столь удачно употребленный Вальтеръ-Скоттомъ въ своихъ Романахъ, несовмѣстенъ съ важностію Исторіи, которая не допускаетъ въ сферу свою ничего невѣрнаго и на все требуетъ положительныхъ доказательствъ. Слѣдовательно, Историкъ гораздо лучше изложить свои мысли въ видѣ догадокъ, нежели выдавать за истину, можетъ быть, небывалые факты. Въ 3-хъ, если нѣкоторыя эпохи, по богатству матеріаловъ, и допускаютъ представленіе событій въ непрерывной и яркой картинѣ, то такого рода творенія могутъ имѣть цѣнность только для людей, хорошо уже знакомыхъ съ Исторіею. Описывая средніе вѣка, Барантъ и Тьерри, конечно, находятся на своемъ мѣстѣ: потому что духъ этихъ писателей совершенно сроднился съ духомъ изображаемыхъ ими героевъ, каждое событіе имѣетъ для нихъ значеніе, но превосходные труды Французскихъ Историковъ едва ли могутъ замѣнить употребленіе хорошаго учебника. Чтобы уловить индивидуальности, необходимо познаніе цѣлаго, малѣйшія характеристическія черты предметовъ тогда только представляются намъ въ ясномъ свѣтѣ, когда мы распредѣлимъ эти предметы по группамъ, назначивъ каждому приличное мѣсто. Тому, кто приступаетъ къ изученію подробностей какой нибудь эпохи, не оз-

накомившись предварительно съ ея духомъ, самая живая и полная картина событій не принесетъ никакой пользы, — и онъ оставитъ богатую галерею минувшаго съ душою, наполненною безсвязными образами, подобно путешественнику, который видѣлъ много примѣчательнаго, но возвратился домой съ прежними познаніями, потому что не нашлось никого, ктобы взялся объяснить ему предметы для него совершенно новые и дикіе. Наконецъ, самымъ лучшимъ доказательствомъ въ пользу историческаго прагматизма служить то, что онъ нисколько не вредитъ прелести сказа и живости изображенія. Напротивъ, та только Исторія заслуживаетъ истинное названіе прагматической, которая представляетъ удачное соединеніе глубины и основательности взгляда съ правильностію частей и вѣрною обрисовкой характеровъ.

Изложивъ значеніе Прагматической Исторіи и принявъ за существенное отличіе ея участіе свободно мыслящаго разума, мы должны теперь показать, до какой степени это участіе можетъ имѣть мѣсто въ Исторіи? Надобно ли Историкъ ограничиться однимъ возсозданіемъ цѣлаго изъ матеріаловъ, доставленныхъ ему прошедшимъ, или же онъ долженъ попытаться проникнуть за вѣднѣнною оболочку фактовъ, не только явить величественное зданіе

минувшихъ вѣковъ, но и стараться разгадать самую идею, которая руководила художникомъ, при сооруженіи этаго зданія, будутъ ли строителемъ его люди или Богъ? Довольствоваться ли ему изображеніемъ дѣйствительнаго, или же возвести это дѣйствительное на степень необходимаго, постигнуть настоящую причину бытія того или другаго происшествія и сдѣлаться предъ людьми истолкователемъ невѣдомой имъ воли? Что составляетъ истинное назначеніе жизни, откуда воспріяла начало свое эта безконечная цѣпь событій и куда она стремится, за чѣмъ все происходитъ въ мірѣ такъ, а не иначе, нѣтъ ли на это какихъ нибудь высшихъ основаній? Эти вопросы занимали уже не одного мыслителя и были рѣшаемы различнымъ образомъ. Одни, пораженные мнимымъ безпорядкомъ человѣческихъ дѣйствій, видѣли во всемъ игру случая, указывали на крестовые походы, реформацію, тридцатилѣтнюю войну, другіе, умы, болѣе набожные и строгіе, почитали единственною пружиною Исторіи волю Провидѣнія, отвергая участіе человѣческаго произвола. Такъ Боссюетъ всю нить событій склоняетъ непримѣтно къ одному общему началу—Христіанству, гдѣ, какъ въ лонѣ морскихъ водъ, постепенно сливаются всѣ труды, надежды и вѣрованія предшествовавшихъ вѣковъ, а продолжатель его

Вольтеръ, увлекаемый невѣріемъ, излагаетъ историческія происшествія совсѣмъ въ другомъ духѣ. * Въ наше время Провиденціалисты стараются объяснить событія волею Провидѣнія, нерѣдко съ примѣсю собственныхъ страстей и политическихъ мнѣній, такъ что Небесный Промыслъ является у нихъ покровительствующимъ той сторонѣ, къ которой принадлежать сами авторы по исповѣдуемымъ ими правиламъ. Не многимъ только мыслителямъ удалось избѣжать крайностей и открыть въ Исторіи соединеніе закона высшей необходимости съ человѣческой свободою. Въ этомъ отношеніи особенное вниманіе заслуживаетъ Новая Наука Вико, сколько мнѣ извѣстно, самое лучшее философское возрѣніе на міръ общественный. Человѣчество представлено Викою, какъ одно великое семейство, совершающее свое воспитаніе подъ надзоромъ Верховнаго Промысла. Не присвоая себѣ понудительной власти, Божественное Провидѣніе только направляетъ во благо

* Bossuet avait esquissé l'histoire dans les intérêts du christianisme; Montesquieu dans ceux de la raison. Voltaire ne dut faire ni comme Bossuet, ni comme Montesquieu; il écrivait l'histoire pour la détruire et dans un but révolutionnaire. Lermnier. (De l'influence de la philosophie du XVIII siècle sur la législation et la sociabilité du XIX. page 52).

дѣйствіа ему милыхъ, хотя часто и непослушныхъ, созданій. Люди, пораженные явленіемъ грозы, испытываютъ дотоле невѣдомое имъ чувство страха и между тѣмъ изъ этого болѣзненнаго состоянія души возникаетъ религія первая наставница чловѣка на поприщѣ образованія. Далѣе, злоупотребленіе власти главами семейства нарушаетъ спокойствіе общества и производитъ войну, которая оканчивается освобожденіемъ рабовъ и полагаетъ начало городской жизни. За продолжительною борьбою между Патриціями и Плебеями слѣдуетъ Демократія. Наконецъ, безначаліе заставляетъ народъ укрыться подъ власть одного: отсюда происхожденіе Монархіи. Такимъ образомъ, увлекаемые страстями, люди стремятся нарушать порядокъ, но по неизреченной благодати Провидѣнія, изъ самаго хаоса возникаетъ новая жизнь и чловѣчество совершенствуется. Преимущество системы Вико, не смотря на нѣкоторыя смѣлыя гипотезы, состоитъ въ томъ, что онъ съ удивительнымъ искусствомъ примиряетъ два, по видимому, несогласимыя начала и, не принимая смѣлости изъяснять волю Провидѣнія, вездѣ, однакожъ, находитъ слѣды благотворнаго Его участія. Но у Вико чловѣчество изображено какъ одно цѣлое, предоставленное собственнымъ своимъ усиліямъ: система его столь удовлетворительно объ-

снлющая важнѣйшіе перевороты общества, не всегда можетъ имѣть примѣненіе, особенно при изложеніи частной Исторіи народа. Это обстоятельство очень хорошо разсмотрѣно въ статьѣ, помѣщенной въ 1-й книжкѣ Французскаго обозрѣнія за 1828 годъ. Авторъ ея съ большимъ глубокомысліемъ анализируетъ сущность историческихъ фактовъ изъ сравненія жизни человѣчества съ жизнію умонедѣлимаго и даетъ намъ возможность опредѣлить, до какой степени должна простирается пытливость ума при обсуживаніи дѣйствительнаго.

Видимый человѣкъ, говоритъ Гизо, (эту статью приписываютъ ему), * состоитъ изъ матеріи: сила невидимая, неизвѣстная, независимая отъ него напечатлѣваетъ на матеріи, изъ которой онъ созданъ, движенія и законы, коихъ дѣйствіе производитъ и поддерживаетъ органическую жизнь; сердце бьется, легкія вздымаются, кровь течетъ; всѣ отправленія, всѣ жизненные феномены совершаются безъ участія человѣка и даже безъ его вѣдома. Въ нѣдрѣ этой организаціи, посреди теченія этой жизни, человѣкъ думаетъ, желаетъ, дѣйствуетъ, познаетъ, чувствуетъ и производитъ въ свою очередь факты,

* Roux Ferrand. page 324. Tome 1.

коихъ онъ самъ бываетъ побудительною причиною. Элементарная матерія, данная организація, свободное разумнѣе, таковъ человѣкъ въ своемъ дѣйстви-тельномъ состояніи; къ тому или другому изъ этихъ началъ относится все, что ни происходитъ съ нимъ. Таковъ человѣкъ, таковъ и родъ человѣческій. Жизнь умонедѣлимаго служить вѣрнымъ изображеніемъ судьбы человечества. Факты производятся видимые, внѣшніе, матеріальные элементы Исторіи. Эти факты связываются, сцѣпляются между собою по отношеніямъ и законамъ, которые не зависятъ отъ воли человѣка, и въ которые едва, и то очень несовершенно, прозираетъ его разумнѣе. Что касается до событій естественныхъ, никѣмъ неожидаемыхъ и непредвидимыхъ, то они, занявъ мѣсто въ этомъ обширномъ ряду причинъ и слѣдствій, кои называются Исторіею, входятъ въ область законовъ, непостижимыхъ для человѣка и производятъ факты, которыхъ онъ не въ состояніи былъ ни предузнать, ни отвратить. Но въ тоже время человѣкъ мыслить и дѣйствуетъ. Воля его, орудіе его разума, даетъ рожденіе фактамъ другаго рода, фактамъ индивидуальнымъ и нравственнымъ, которые принадлежатъ Исторіи и, потомъ переходя въ міръ внѣшній, сами становятся событіями или образуютъ изъ себя новыя.

Такимъ образомъ и здѣсь, какъ въ умонедѣли-
момъ, находятся три различные элементы: факты,
собственно такъ называемые, внѣшніе, матеріаль-
ные; силы и законы естественные, не преложные,
по которымъ факты связываются и распределяют-
ся, и наконецъ свободныя дѣйствія челоуѣка. Сове-
купность этихъ трехъ родовъ фактовъ составляетъ
Исторію.

Смотря по духу времени, состоянію просвѣ-
щенія и господствующему вкусу, Историки давали
предпочтеніе тому или другому изъ этихъ элемен-
товъ.

Распредѣливъ, такимъ образомъ, Историческіе
факты, намъ не трудно теперь объяснить, до какой
степени, при обсуживаніи ихъ, должно простира-
ться участіе челоуѣческаго разума: факты перваго
рода, зараждаясь извне и происходя совершенно для
насъ неизвѣстнымъ образомъ, не могутъ быть пос-
тигаемы челоуѣкомъ; напротивъ, способъ взаимной
ихъ между собою связи и отношеній другъ къ
другу входятъ въ область нашего разумнія, и тѣмъ
еще болѣе свободныя дѣйствія людей, потому что
они произведены существами, подобными намъ.
Историкъ на пр. можетъ и долженъ показать намъ
что способствовало распространенію Реформаціи и
опредѣлить вліяніе ея на судьбу Запада, но не ея

дѣло вдаваться въ разсужденія, какая участь постигла бы Европу, если бы не было реформаніи, какъ сдѣлалъ одинъ изъ новѣйшихъ Германскихъ Дѣписателей. * Поступая такимъ образомъ, Историкъ дерзаетъ приписывать себѣ даръ всевѣдѣнія и становится испытателемъ Божескихъ Судебъ. Впрочемъ, и для обсуживанія фактовъ, доступныхъ уму, требуется много познаній и осторожности. Человѣкъ, который берется изъяснять намъ минувшее, долженъ имѣть слѣдующія качества. Во 1^{хъ}, онъ долженъ ^и глубоко изучить человѣческую природу, при чемъ необходима ему помощь философіи; изученіе человѣческой природы не только предохранить его отъ заблужденія судить о нравственномъ достоинствѣ людей по однимъ поступкамъ, которые часто измѣняются, но и наведетъ его на многіе важные результаты, оно покажетъ ему, что, несмотря на всѣ климатическія и мѣстныя отличія, человѣкъ всегда оставался человѣкомъ, что чувства благаго, изящнаго и истиннаго непокидали людей, во времена самаго жалкаго невѣжества и разврата, что тогда то именно добродѣтель и являлась въ самомъ привлекательномъ видѣ. Во 2^{хъ}, съ изученіемъ человѣческой природы онъ долженъ соединять осно-

* Rotteck. Томъ 3. стр. 87 и слѣдующія.

вательное знаніе народностей, сродниться съ духомъ, вѣрованіями и обычаями изображаемой имъ эпохи и разсматривать дѣйствія лицъ на основаніи понятій, господствовавшихъ въ ихъ время. Иначе, заключая по настоящему о прошедшемъ, онъ можетъ легко подвергнуться безчисленнымъ ошибкамъ и представлять себѣ предметы совершенно въ превратномъ видѣ. Наконецъ въ 3^{хъ}, для Историки необходимо познаніе самой сцены дѣйствія изображаемыхъ имъ событій. Образованность народа, его политическая и нравственная жизнь, языкъ, литература болѣе или менѣе отражаютъ вліяніе роднаго климата и почвы. Безъ преувеличенія можно сказать, что мѣстность есть одна изъ главнѣйшихъ причинъ цивилизаціоннаго различія: особенно она сильно дѣйствуетъ въ первыя времена развитія общества, такъ что народъ нерѣдко остается тѣмъ, къ чему онъ предназначенъ положеніемъ своей страны; особенно если слабость человѣка сталкивается съ могуществомъ природы. Даже, при обсуживаніи отдѣльныхъ фактовъ, географическія свѣденія необходимы. Какъ часто напр. отъ удачнаго или неудачнаго выбора мѣста зависѣла участь сраженія, рѣшившаго судьбу миліоновъ!

Вотъ три источника, изъ которыхъ долженъ черпать Дѣписатель, если только онъ хочетъ быть

вѣрнымъ истолкователемъ минувшаго. Изученіе философіи для него необходимо: ибо, не избравъ ее своею руководительницею, онъ легко можетъ потеряться среди разнообразія явленій представляемыхъ Исторіею. Съ другой стороны, съ однимъ знаніемъ человѣческой природы безъ знанія ея индивидуальныхъ отличій, онъ вмѣсто вѣрной картины жизни, со всѣми поэтическими ея оттѣнками, буграми и углубленіями, представитъ однообразную степь, перѣдко мрачную и унылую; наконецъ, безъ свѣдѣній географическихъ, онъ не въ состояніи будетъ объяснить причины этаго разнообразія и соорудитъ свое зданіе на пескѣ.

Всѣ ошибки Дѣписателей происходятъ отъ того, что они упускали изъ виду какое нибудь изъ этихъ обстоятельствъ. Только, при взаимномъ ихъ сочетаніи, возможно истинное воззрѣніе на жизнь человѣческую, какъ индивидуально, такъ и по народамъ, и въ отношеніи ко всему человѣчеству.

